

Срази меня и огнем, и метелью,
и молнией, если желаешь,
столкни меня в пропасть или в морскую пучину.

Того, кого страсти тоска измотала,
кого Эроса сила уже подчинила,
тому и молнии Зевса
не сделают больней.

*Древнегреческое стихотворение о любви,
неизвестный поэт*

ПРАВИЛА БОЖЕСТВЕННОГО СПОРА

СЛЕДУЮЩИЕ ПРАВИЛА ПРИНЯТЫ,
ЗАКРЕПЛЕНЫ И НЕИЗМЕННЫ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

*Настоящим Зевс дарует свою милость Прометею
и позволяет ему каждые сто лет состязаться
за свою смертность.*

Место состязания определяет верховный бог.

*Афина, богиня мудрости, выбирает девушку,
за которую Прометей должен сражаться, как будто
по-настоящему хочет завоевать ее расположение.*

*Если в течение шестидесяти дней эта девушка
отдастся Прометею, он проиграет спор и останется
бессмертным.*

*Если же она отвергнет Прометея, Зевс превратит
его в обычного человека.*

*Каждое столетие Зевс дарует Прометею
три попытки.*

*Все участники спора клянутся соблюдать правила,
бороться честно, не лгать и не обманывать.*

ЗАПИСКИ ГЕРМЕСА

Прометей выбрал себе такое нелепое человеческое имя. Кейден. Оно, видите ли, означает «боевой дух». Но в одном этому парню надо отдать должное: боевой дух у него есть.

Все олимпийские боги собрались в Большом зале Митикаса, чтобы вновь стать свидетелями зрелища. Прометей настоял на своем праве, и Зевс даровал ему дозволение. Так сотни лет назад и было заключено это пари. Впрочем, Прометей, как всегда, проиграет. Зевс обманул его. Он знал это, но тем не менее не сдался.

Щелчком пальцев отец богов вызвал изображение, явившееся на белоснежной стене дворца. Здесь боги, которым запрещалось покидать Митикас, будут следить за спектаклем.

Моей же обязанностью, начиная с завтрашнего дня, будет сообщать богам обо всех событиях, и в моем случае щелчком пальцев уже не обойтись. Придется постоянно летать туда-сюда, чтобы убедиться, что я не упустил ничего важного. Эти игры для меня — чистейший стресс, потому что каждый вечер боги ожидали подробный отчет о том, что творилось среди людей.

Взяв тарелку с апельсиновыми дольками, я пристроил ее на своем лежаке. Сегодня мои крылатые сандалии еще стояли возле кушетки. Ближайшие недели и так будут довольно утомительными.

— Да начнутся игры, — громко объявил мой отец Зевс и возлег рядом со своей женой Герой.

Нет ничего, что я ненавидела бы сильнее, чем грозы, особенно если среди деревьев при этом завывал ветер, словно дикий зверь, который только и вожделем сорваться с поводка и сожрать меня. Если честно, я не просто ненавидела грозы, но и до смерти боялась их. Глупо бояться молний и грома. Но я ничего не могла с этим поделать. Страх — мое второе имя. Я боялась гроз, боялась летать, боялась змей и других животных. Страдала от самых разных фобий со странными латинскими названиями. Боязнь гроз называлась астрафобией. И именно я, из всех людей, сидела в машине посреди Скалистых гор, когда на нас словно из ниоткуда обрушился жуткий ливень и опустилась непроглядная тьма. Еще секунду назад небо было ярко-голубым с пушистыми белыми облачками, и тут ни с того ни с сего солнце спряталось. Проис-

ходящее напоминало сцену с концом света из какого-нибудь фильма про катастрофы. Чтобы как раз таки избежать подобных ситуаций, я обычно очень тщательно проверяла приложение прогноза погоды. Но оно, очевидно, дало сбой. Нужно подать в суд на программистов, которые создают эту ерунду. Даже Робин, моя лучшая подруга с первого дня в средней школе, которую, как правило, не так-то просто выбить из колеи, крепче стиснула руль пальцами с аккуратным маникюром, а я между тем заставляла себя не обкусывать до самой кожи свои и без того чересчур короткие ногти. Довольно скверная привычка, вечно одерживавшая надо мной верх, когда я нервничала.

Завывания раздались вновь. На этот раз гораздо ближе. Это был не ветер. Мне следовало уделить больше внимания фауне Скалистых гор, а не погоде, прежде чем уговаривать Робин поехать со мной в лагерь «Маунт» за пределы всяческой цивилизации. Дождь барабанил по лобовому стеклу, как пулеметные очереди. Невзирая на непогоду, Робин ехала по узкой, вьющейся посреди леса дороге, будто участвовала в гонках. Если я слишком труслива, то она чрезмерно смелая. Слово «осторожность» в ее словарном запасе отсутствовало.

Я протерла ладонью запотевшее окно. Вода на стекле оказалась просто ледяной. Мой взгляд метнулся к индикаторам температуры. Если верить им, то температура на улице опустилась до нуля градусов. Похоже, эта штука сломалась, хотя машина была совершенно новой. Месяц назад, на семнадцатилетие,

отец Робин подарил ее, и подруга настояла, чтобы мы поехали в летний лагерь одни. Иначе нас отвез бы шофер, хотя так я бы чувствовала себя намного комфортнее. Оставалось надеяться, что навигатор работал исправно. Сквозь отверстия кондиционера в салон начал проникать холод. У меня по рукам поползли мурашки, а Робин завозилась с панелью управления. Едва мне удалось убедить себя, что жуткий вой — всего лишь игра моего воображения, как он послышался вновь, на этот раз еще ближе, и зловеще устремился к пурпурным тучам, распоротым молнией. Страх когтями вонзился в меня, и легкие сжались до размеров горошины. За молнией последовал мощный раскат грома. Я хватала ртом воздух, словно выброшенная на сушу рыба. Во мраке проступил какой-то силуэт, и я мельком увидела молодого человека. Он неподвижно стоял на обочине дороги, подняв лицо к небу и не обращая внимания на бурю. Несмотря на то что он промок до нитки, дождь его, казалось, совсем не беспокоил. Наоборот. Он явно наслаждался созданным хаосом. Я надеялась, что это не он так выл. Но ведь вероятность повстречать оборотня куда меньше, чем настоящего волка, верно? Ветер трепал его одежду. Белоснежные волосы и светлая кожа выделялись в темноте. Словно в замедленной съемке, наш автомобиль проехал мимо него. Молодой человек продолжал стоять на месте с благоговейным видом, пока капли дождя ручейками стекали по его лицу. Он медленно склонил голову и открыл глаза. На меня уставились два рубина. Его

глаза соперничали с молниями в небе, отчего волоски у меня на руках встали дыбом. Никогда раньше не видела человека-альбиноса. Губы парня сжались в тонкую линию. Я оторвала взгляд, и тьма позади нас поглотила его, сомкнувшись столь плотно, что не осталось даже очертаний.

— Ты его видела? — поинтересовалась я у Робин. — Псих, не иначе.

Робин не сводила глаз с дороги.

— О чем ты?

— Там, на обочине, стоял альбинос. — У меня чуть не сорвался голос.

— Никого там не было. — Она раздраженно помотала головой. — Тебе просто померещилось. Не своди меня с ума. Дождь с этим вполне справляется. Возьми себя в руки.

«*Не психуй!*» — велела я себе. Даже если здесь водятся волки, они точно не нападают на людей. И никто по доброй воле не станет гулять по улице в бурю. Тот парень — плод моего воображения. По-другому не объяснить. Расшатанные нервы сыграли со мной злую шутку. Я замолчала, чтобы не сердить Робин еще больше.

Опять раздался оглушительный треск. Это оказался не раскат грома: в свете фар я увидела рухнувшее на дорогу дерево. Ударив по тормозам, Робин прокричала мое имя. Ее «Джесс!» звенело у меня в ушах, когда машину занесло. Она неумолимо неслась к громадине, перегородившей нам путь своими ветками, похожими на щупальца кракена. Робин закрыла лицо

руками, напрочь забыв про управление автомобилем. Я хотела было дотянуться до руля, но меня швырнуло вперед. Ремень безопасности врезался в грудь. От боли у меня вырвался стон. Все вокруг начало вращаться с головокружительной скоростью. Голова ударилась обо что-то твердое. Казалось, что она вот-вот расколется надвое. В лицо и на голые руки брызнули осколки стекла. Раздался металлический лязг, грозивший разорвать мое тело на части. Лопнул от силы удара ремень. Я пыталась удержаться, но руки хватали одну пустоту. Послышался треск, и кости моей ноги сломались. Это должно было причинить боль, но я вообще ничего не почувствовала. Сознание затопила паника. Танатофобия — боязнь смерти. Один из моих многочисленных страхов. Он воплотился в жизнь? Я умирала? Просто так, без предупреждения? Ни яркого света, ни длинного туннеля. Все во мне запротестовало. Я столько всего хотела сделать. Столько всего уладить. Я нужна своей младшей сестре Фиби. Мама не сможет заботиться о ней в одиночку. Я еще даже ни разу не целовалась. По крайней мере, по-настоящему. Но сейчас для этого, вероятно, было уже слишком поздно. Мир вокруг меня взорвался. Я взлетела в воздух. Меня окутали тьма и тишина. Бесконечная тишина. Я парила. Все стало таким легким, а я поплыла по бескрайнему океану. Это было прекрасно — так спокойно.

Возле моего уха раздалось рычание.